

Некоторые аспекты экономической политики советской власти в отношении крестьянства (1917–1934 гг.)

И.В. Ефремов

Братский государственный университет, Макаренко, 40, Братск, Россия
ivefremov@bk.ru

Статья поступила 16.05.2021, принята 08.06.2021

В статье рассмотрены основные меры экономической политики советской власти в деревне в период 1917-1934 гг., проанализирована дифференциация подходов в отношении колхозников, единоличников, кулаков, вынуждавшая крестьян вступать в коллективные хозяйства. Кроме того, рассмотрены отдельные аспекты политики региональных властей Канского, Ачинского, Иркутского и других округов Сибирского края, а также их последствия. В заключении сделаны выводы о том, что экономическая политика советской власти с первых дней ее установления и до конца рассматриваемого автором периода была направлена на создание колхозов. При этом, несмотря на все усилия партийных и советских работников, без прямого насилия со стороны власти коллективные хозяйства так и включали бы в себя лишь малую часть советской деревни.

Ключевые слова: коллективизация, деревня, раскулачивание, экономическая политика, колхоз, крестьянские хозяйства, зажиточные крестьяне.

Some aspects of the economic policy of the Soviet government in relation to the peasantry (1917-1934)

I.V. Efremov

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
ivefremov@bk.ru

Received 16.05.2021, accepted 08.06.2021

The article considers the main measures of the economic policy of the Soviet government in the countryside in the period 1917-1934, analyzes the differentiation of approaches towards collective farmers, individual farmers, kulaks, which forced the peasants to join collective farms. In addition, some aspects of the policy of the regional authorities of the Kansk, Achinsk, Irkutsk and other districts of the Siberian Territory, as well as their consequences, are considered. It is concluded that the economic policy of the Soviet government from the first days of its establishment until the end of the period under consideration was aimed at the creation of collective farms. At the same time, despite all the efforts of the Soviet party workers, without direct violence from the authority, collective farms would include only a small part of the Soviet countryside.

Keywords: collectivization; countryside; dekulakization; economic policy; collective farm; peasant farms; well-to-do peasants.

К началу прошлого века Российская империя представляла собой огромную аграрную страну, важнейшей проблемой общественно-политической жизни которой был аграрно-крестьянский вопрос. Составлявшее подавляюще большую часть населения крестьянство имело крупную задолженность по платежам Крестьянскому поземельному банку и страдало от высоких налогов. Кроме того, и это удивительно, учитывая обширную территорию страны, крестьянские хозяйства страдали от малоземелья. Так, например, 15 млн. крестьянских хозяйств имели в своем распоряжении лишь 138 млн. десятин земли, притом, что всего несколько десятков тысяч помещичьих землевла-

дений располагали сопоставимыми площадями (более 100 млн. десятин) [1, с. 6]. Российская деревня была необратимо втянута в товарно-капиталистическую систему развития страны и те, у кого не получалось в данную систему встроиться, стремительно нищали и шли в услужение к своим более удачливым односельчанам. Опасаясь стать бедняками и батраками, некоторые крестьяне объединялись в земледельческие коллективы или коммуны, не предусматривающие частной собственности на землю. Незадолго до Октябрьской социалистической революции в стране действовало более 100 подобных сельхозобъединений [1, с. 16]. Данная цифра свидетельствует, конечно,

не о массовости подобного явления, а скорее о том, что, пытаясь выживать в непростых условиях, крестьяне пытались, в том числе, добровольно объединяться в коллективные хозяйства.

После того, как на Втором Всероссийском съезде Советов был принят декрет «О земле» и отменена помещичья собственность на землю, количество крестьянских коммун начало быстро увеличиваться. Этому способствовала активная поддержка со стороны советской власти, позволившая на Украине незадолго до ее оккупации Германией действовать 50 колхозам, в Белоруссии в начале 1918 г. – 175 колхозам, а в РСФСР к концу 1918 г. – более чем полутора тысячам колхозов [1, с. 16]. Большинство этих коллективных хозяйств не пережили гражданскую войну, а также первые годы нэпа, когда государство временно вынуждено было свернуть меры их поддержки.

Новый импульс объединению крестьянских хозяйств в колхозы придала растущая финансовая поддержка со стороны советской власти. Несмотря на то что в 1923-1924 гг. колхозами были объединены менее 1% крестьянских хозяйств, они получили 5,4% кредитов от государства. При этом через 2 года соответствующие суммы уже в 10 раз превышали удельный вес колхозов в массе крестьянских хозяйств. В среднем на Украине в этот период единоличник получил лишь 9 рублей кредита, а колхозник – 22 рубля [1, с. 70.] Это, безусловно, подталкивало крестьян к вступлению в колхозы. Тем не менее, темпы колхозного строительства, особенно в Сибири, были далеки от тех, которые требовались советской власти. В октябре 1927 г. на всю Сибирь было лишь 697 колхозов. Они состояли из 10 тысяч 400 хозяйств, а эта цифра являла собой лишь 0,7% от числа всех крестьянских хозяйств. Таким образом, популярность у колхозов в сибирской деревне была даже чуть ниже, чем по стране в целом (0,8% от числа всех крестьянских хозяйств)[2, с. 43.]. Это объясняется сразу несколькими причинами, в том числе традиционной зажиточностью сибирского крестьянства, отсутствием здесь в дореволюционный период помещичьего землевладения и привычного для Центральной России малоземелья.

После того как в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) подвел итоги развития деревни за 10 лет и обозначил курс страны на коллективизацию, объединение крестьянских хозяйств в коллективы с общей собственностью начало осуществляться усиленными темпами. Причем, если ранее государство всячески подчеркивало добровольность вступления в колхозы, то теперь коллективизацию принялись осуществлять практически повсеместно в принудительном порядке. Одной из причин этого стало быстрое увеличение населения промышленных центров в ходе индустриализации и

риск, так называемых, продовольственных затруднений, которые в ряде случаев приводили даже к волнениям в крупных городах.

Так, например, на рубеже 1927-1928 гг. страна столкнулась с продовольственными проблемами. Не желая продавать государству зерно по низким закупочным ценам, крестьяне массово пытались направлять его на рынок, за что нередко привлекались к уголовной ответственности по 107 статье УК РСФСР, предусматривавшей до 3-х лет лишения свободы за злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таких на рынок. И.В. Сталин утверждал, что у кулаков в хранилищах спрятаны огромные запасы зерна. Для того чтобы получить это зерно, советская власть стремилась расколоть деревню и руками самих крестьян изъять хлеб у состоятельных соседей. В качестве меры стимулирования четверть конфискованного зерна делилась среди бедной части деревни в порядке долгосрочного кредита или по символическим ценам [3, с. 102.]. Исключительно редкие случаи, такие как, например, обнаружение зимой 1928 г. в Черемховском районе Иркутского округа схрона с несколькими тысячами пудов хлеба, придавались широкой огласке и использовались для подтверждения правильности проводимого политического курса [4, с. 148].

Началась массовая кампания по выбиванию зерна у состоятельных крестьян. Во время судебных процессов, проходивших над ними, активно применялась не только 107 статья, но и статья 58-10, предусматривавшая наказание за пропаганду или агитацию, которые содержали призыв к свержению, подрыву, ослаблению советской власти. Однако даже таких методов на местах оказывалось не вполне достаточно и приходилось прибегать к прямому насилию, добиваясь сдачи «хлебных излишков». Низовым партийным и советским работникам очень на руку был принятый недавно закон об индивидуальном обложении. 21 апреля 1928 года ЦИК утвердил положение «О едином сельскохозяйственном налоге на 1928/29 гг.», которым вводилось «индивидуальное обложение» наиболее зажиточных крестьянских дворов. В соответствии с данным положением власти на местах сами определяли в отношении кого применить индивидуальное обложение, зачастую превышавшее базовый налог в несколько раз. Естественно, что под действие закона попали не только кулаки, но и так называемые «интенсивники», то есть те крестьяне, которые без использования наемного труда добивались высокой урожайности и, как следствие, доходности. Таким образом, добиваться высокой эффективности своего хозяйства становилось не просто невыгодно, но и очень опасно.

К середине 1929 года масштабы экономических и политических репрессий в отношении зажиточных (а нередко и середняцких) хозяйств стали нарастать особенно отчетливо. Во многом это стало следствием расширения практики применения индивидуального обложения сельскохозяйственным налогом, а также введения твердых заданий по хлебозаготовкам. В том случае, если задание не выполнялось, его увеличивали в несколько раз [5, с. 25]. Что особенно важно, усердные Финансовые органы нередко причисляли к кулацким не только середняцкие, но и бедняцкие хозяйства. Поводом для индивидуального обложения становилось, например, наличие у крестьянина сепаратора, молотилки, а также продажа на рынке, произведенной в личном подсобном хозяйстве продукции [6, с. 32].

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что в подобных условиях дальнейшие действия советской власти, заявляемые как меры по раскулачиванию и ликвидации кулачества как класса, обязательно затронут часть деревни. Ту, которая к кулачеству никогда не относилась. 30 января 1930 г. был утвержден текст постановления ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Предлагалось отменить в этих районах аренду земли, запретить применение наемного труда и конфисковать у кулаков средства производства, скот, семенные запасы и т.д. [5, с. 27].

С целью устрашения единоличников, не желавших вступать в коллективные хозяйства и перевыполнить план по индивидуальному обложению, устанавливались количественные нормы облагаемых хозяйств. При этом Наркомфином регламентировался удельный вес и численность подпадающих под «индивидуальное обложение» крестьянских хозяйств. Районам, не завершившим сплошную коллективизацию, в 1930-1931 гг. предписывалось выявить не менее 3% подобных хозяйств [6, с. 30].

Помимо этого с состоятельного крестьянства началось еще и досрочное взыскание ссуд и кредитов. В циркуляре Наркомфина СССР и Россельбанка «О досрочном взыскании ссуд с кулацких и зажиточных хозяйств» от 12-13 января 1930 г. сообщалось, что досрочное взыскание с состоятельной части деревни – это не разовое или точечное мероприятие, а широкомасштабная политическая кампания. Причем особо подчеркивалась безоговорочность взыскания по причине якобы отсутствия правовых оснований для самого получения ссуды. Указывалось, что к кулацким хозяйствам следует относить не только все хозяйства, в индивидуальном порядке уплачивающие единый сельскохозяйственный налог, но и хозяйства, применявшие наемный труд. [7, с. 105-106].

Для многих хозяйств из числа тех, кто еще пытался удержаться на плаву и не «самораскулачиться», т.е. не бросить хозяйство и переехать в город, досрочное взыскание ссуд стало последней каплей, вынудившей сдать.

В отдельных регионах страны, например, в Сибири (особенно в южных ее районах) указанный комплекс действий советской власти в отношении деревни в 1930 г. привел к настоящему голоду. Как отмечалось в официальных документах, население сельских районов: Ачинского, Красноярского, Иркутского и других округов - на протяжении длительного времени питалось травами, масляничными семенами и даже семенной протравленной пшеницей. Причем, что особенно важно, пострадали от голода в равной степени и колхозники, и единоличники, и работники совхозов. Однако, несмотря на то что руководству страны было прекрасно известно о бедственном положении крестьянства, зерно из страны активно продолжало вывозиться за рубеж. [8, с. 84-87].

О настроениях крестьянства в этот период весьма красноречиво свидетельствуют многочисленные, зачастую анонимные, письма лидерам советского государства: И.В. Сталину, М.И. Калинин, А.В. Луначарскому и другим. Из них становится ясно, что несмотря на агрессивную и навязчивую агитацию со стороны властей, бегство в город в указанный период было одной из самых распространенных форм протеста [9, с. 175]. Этому во многом способствовало то, что до конца 1932 г. страна не была паспортизирована. Кроме того, тогда в СССР еще отсутствовал институт прописки.

В спецсводке ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю о ходе раскулачивания в крае на 13 февраля 1930 г. Сообщается: » В каждом из округов края зарегистрированы десятки и даже сотни случаев, когда кулаки, бросая хозяйство, имущество, а иногда даже семьи и детей, убегают в Сибирь, в Среднюю Азию, а также в крупные промышленные города. Городами, в которые стремились попасть беглецы, указываются, в частности, Сталинградстрой и Магнитострой, то есть те, в которых с учетом размаха строительства в годы первых пятилеток не представляло особой сложности затеряться и начать новую жизнь.

В этом же документе приводятся яркие примеры самораскулачивания, как, например, когда кулак И.Т. Сернов раздал 40 пудов меда, убил 120 семейств пчел из имеющихся у него 200 семейств, а остальных тоже раздал [7, с. 207].

Подобные действия становились следствием произвола, творимого сельскими активистами. Так, например, в Куйтунском районе Иркутского округа в 1930 г. на станции Александровская пьяные коммунары, в числе которых была в основном деревенская беднота, потребовали от председате-

ля сельсовета начать раскулачивание в соседнем селе и, не получив его согласия, занялись экспроприациями. После того как местные коммунары узнали об этом, они, опасаясь, что чужаки захватят все то, что могут захватить они сами, также приступили к отъему имущества. Итогом этих действий стал конфликт двух коммун, в результате которого большая часть изъятого имущества даже не поступила на торги. Она была похищена коммунарами. 10, Ф.16. Оп.1. Д. 1323. Л. 59-60.

Для того чтобы обойти все формальности и с превышением выполнить план по раскулачиванию, активистами в оборот был введен термин «подкулачник». Им обозначались крестьяне, хозяйства которых не попадали под формальные признаки кулацких хозяйств. Конечные исполнители сталинских директив знали, что никакого взыскания за излишнее рвение не будет, а вот за недостаточный энтузиазм, скромные показатели раскулаченных, недостаточное количество созданных коллективных хозяйств их, с большой долей вероятности, привлекут к ответственности. Потому и действовали сообразно логике выживания и спускаемым сверху планам. Понимали, что для того, чтобы объявить кого-то кулаком, нужны какие-то, пусть даже формальные, основания (например, наличие большой избы, кузницы, сельхозинвентаря), а для объявления крестьянина подкулачником этого было не нужно [11, с. 324].

Обжаловать действия низовых советских работников крестьянам в указанные годы удавалось лишь в исключительно редких случаях, когда произвол властей был уж слишком явным. Подтверждение этому, например, имеющийся в материалах Братского филиала государственного архива Иркутской области протест прокурора Восточно-Сибирского края против обложения индивидуальным налогом крестьянина села Долгий Луг Братского района Потапова Ф.И. Как следует из архивных материалов, под индивидуальный налог путем откровенной фальсификации документов его подвел уполномоченный райисполкома Волошин. Постановлением Востсибкрайфу индивидуальный налог в отношении хозяйства данного крестьянина был отменен, а по поводу Волошина в адрес краевой прокуратуры озвучивалась просьба о привлечении его к ответственности. При этом никаких сведений о том, был ли уполномоченный райисполкома все же привлечен к ответственности, в материалах не содержится. 12, Ф.Р-1. Оп.4. Св.7. Ед.хр.268. ЛЛ.2-6].

30 июля 1931 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «О развертывании социалистического животноводства», после которого в колхозах широкое распространение получила практика поголовного обобществления скота с использованием принудительных мер. Повсеместно

начались выходы крестьян из колхозов, вооруженные выступления и иные проявления недовольства, вынудившие руководство страны временно отказаться от подобных методов работы. Тем не менее, 26 марта 1932 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О принудительном обобществлении скота», в котором говорилось, что задача коммунистов состоит в том, чтобы у каждого колхозника была своя корова, мелкий скот, птица [6, с. 33-34.].

По прежнему большое значение государство уделяло осуществлению заготовок сельскохозяйственной продукции. В случае если не выполнялся план госзаготовок, в дело вступали особые комиссии. Действуя с 1932 г. в основных зерновых районах страны, комиссии осуществляли репрессивные меры по отношению к колхозам, селам и деревням, обвиняемым в саботаже хлебозаготовок. Для «провинившихся» незамедлительно прекращался подвоз товаров, и полностью сворачивалась кооперативная и государственная торговля с вывозом из магазинов всех наличных товаров. Полностью запрещалась торговля, как для колхозников, так и для единоличников. Прекращалось кредитование, и досрочно взыскивались кредиты и другие финансовые обязательства [6, с. 36.].

Следует отметить, что на колхозниках, обвинявшихся в саботаже, запрещение торговли, как составляющее комплекса репрессивных мер, практически никак не отражалось. Постановления от 6 и 10 мая 1932 г. о развертывании колхозной торговли хлебной и мясной продукцией носили по большей части декларативный характер. В виду того, что в ходе хлебозаготовительной кампании колхозные амбары вычищались буквально подчистую, изымался даже семенной фонд, реальной возможности развернуть торговлю у них не было [6, с. 34.].

Еще одним рычагом, используемым государством для обеспечения госзаготовок, была система централизованного снабжения деревни. Большая часть товаров поступала в деревню в третьем-четвертом кварталах года, что было связано с реализацией урожая. В первую очередь товары получали колхозники. За ними - единоличники, а после них, при условии полного выполнения задания по сдаче сельскохозяйственной продукции, - зажиточные крестьяне. При этом единоличники обязаны были выполнять нормы поставок значительно превышавшие нормы, установленные для колхозов. Так если уральский колхозник в 1933 г. должен был сдать от 25 до 34 кг мяса с коровы, то единоличнику вменялось уже 55 кг. То есть для индивидуальных хозяйств действовал двойной размер нормы обязательных поставок [13, с. 45.].

При этом неизменно присутствовала дифференциация при получении зерна за сданную тон-

ну сырья (единоличнику всегда получать полагалось меньше, чем колхознику), а цены на товары были в целом несопоставимы с заработками крестьян. Так, например, для того чтобы купить себе яловые сапоги, стоившие в деревне в 1931 г. 40 рублей, крестьянин должен был сдать не менее 100 пудов зерна. [13, с. 45.] Этот дисбаланс, называемый «ножницами цен», официально признавался властями и полностью их устраивал, поскольку никаких мер по его ликвидации не предпринималось.

В период с 1931 по 1932 гг. все формы сельхозкооперации влились в колхозы. Постановлением СНК СССР от 11 марта 1931 г. был распущен Союз союзов сельхозкооперации. Затем на всех уровнях были ликвидированы союзы кооперативов. Были упразднены Всесоюзный совет колхозов, Колхозцентр, колхозсоюзы [1, с.187.].

С этого времени колхозами, как в центре, так и на местах, управляли государственные органы. Однако помимо коллективных хозяйств по всей стране продолжали функционировать миллионы индивидуальных. Учитывая то, что этап форсированной коллективизации уже завершился, И.В. Сталин высказался против репрессий в отношении крестьян, не вступивших в колхозы, предложив лишь усилить в отношении них налоговый пресс. Фактически это стало командой на экономическое удушение миллионов крестьянских семей по всей стране [6, с. 35.].

В сохранившейся стенограмме речи главы государства от 02 июля 1934 года, в числе прочего говорится о необходимости партийным и советским работникам в своей каждодневной деятельности всячески подчеркивать привилегированное положение крестьян, вступивших в колхозы. При этом, учитывая то, что, так называемые, «индивидуалы» дают государству немалый объем зерна И.В. Сталин сообщил, что лично он не поддерживает в отношении них жестких мер, выражающихся в арестах, наказаниях, расстрелах. Подобный подход вождь назвал глупым и нехозяйским и предлагал перевоспитывать «индивидуалов» посредством целого комплекса финансово-экономических мер. Конечная цель этих мер, по мнению И.В. Сталина, в том, чтобы каждый, кто не желает вступать в колхоз, сам понял насколько выгодно ему отказаться от индивидуального хозяйства в пользу коллективного. В том случае, если крестьянина не переубедит даже жесткая фискальная политика государства, то для советской власти, будет выгодней, если он совсем откажется от хозяйства, промысла или торговли и уедет жить в город [14, с. 190-191.].

Определенный интерес для изучения являет и тот факт, что в 1934 году в ряде регионов страны уже не представлялось возможным выявить кре-

стьянские хозяйства, в отношении которых можно было применить рекомендованные И.В. Сталиным меры экономического характера. Подтверждением этого служит циркулярное письмо Комитета по заготовкам при СНК СССР, об обязательном выявлении кулацких хозяйств и применении к ним особых норм зернопоставок. (от 27 марта 1934 г.) В документе говорится, что при проведении работы по вручению обязательств по зернопоставкам из урожая 1934 г. имели место случаи, когда райуполномоченные Комитета по заготовкам СНК якобы недостаточно развернули работу по выявлению кулацких хозяйств. Как результат, в некоторых областях по ряду районов не выявлялось ни одного кулацкого хозяйства, которому было бы вручено обязательство, как кулацкому хозяйству. Автор документа член Комитета, по фамилии Зыков, в связи с этим, вполне в духе того времени, подвергает сомнению факт отсутствия кулацких хозяйств и заявляет о том, что их якобы отсутствие является следствием неудовлетворительной работы ответственных лиц Комитета по заготовкам в части взаимодействия с общественностью. [14, с. 92.]. Однако гораздо более правдоподобным объяснением отсутствия кулацких хозяйств является то, что уцелевшие в ходе репрессий хозяйства попросту избавлялись от внешних признаков зажиточности, в том числе от сельскохозяйственной техники и найма работников, а также сокращали площади посевов.

В Иркутском округе в методичках, посвященных расслоению иркутской деревни, партийным и советским работникам еще значительно ранее указывалось на якобы ошибочность деления крестьянства на группы, включающие маломощных и мощных середняков, зажиточных крестьян и т.д. Подчеркивалось, что существуют лишь кулаки, середняки и бедняки. Тем не менее, в ходе обложения крестьян индивидуальным налогом, принуждения их к вступлению в колхозы, а также в ходе раскулачивания повсеместно отмечались многочисленные факты, когда экономическим репрессиям подвергались отнюдь не эксплуататоры, а самые честные труженики [15, с. 4.].

Таким образом, несмотря на целый комплекс мер экономической поддержки колхозов, сельхозартелей и коммун, осуществлявшихся советской властью в деревне в период с 1917 по 1934 годы, коллективизацию сельского хозяйства не удалось осуществить без прямого насилия и тотального принуждения крестьянства.

Довольно распространенными были ситуации, подобные инциденту в Куйтунском районе Иркутского округа, где пьяные коммунары станции Александровская в 1930 г. попросту разграбили дома зажиточных жителей села. При этом случаи, когда крестьянам удавалось обжаловать незакон-

ные действия властей, как это произошло у крестьянина села Долгий Луг Братского района Потапова Ф.И., напротив, были исключительно редкими. В отдельных округах Сибирского края: Иркутском, Ачинском, Красноярском и других - многочисленные «перегибы» партийных и советских работников в ходе коллективизации уже в 1930 г. привели к серьезным продовольственным затруднениям и даже к настоящему голоду в сельских районах. Причем перебои с продовольствием начались в Сибири раньше, чем на Среднем Поволжье, Украине или Северном Кавказе, а завер-

шились практически в одно время с указанными территориями.

Конечным итогом всего этого стало фактическое закрепощение крестьян и их нещадная эксплуатация. При этом наиболее трудолюбивые, инициативные и, как следствие, состоятельные крестьяне из числа тех, кто избежал раскулачивания, не выдержав экономического прессинга, вынуждены были покидать деревню и перебираться в города.

Литература

1. Роголина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: Изд-во МГУ, 1989. 232 с.
2. Гуцин Н.Я. Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО АН СССР, 1991. С. 27-52.
3. Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 101-106.
4. Очерки истории Иркутской организации КПСС. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. Ч. II. Кн. I (1920-1945гг.). 399 с.
5. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. / под ред. В.П. Данилова, Н.А. Иванищкого. М.: Политиздат, 1989. 536 с.
6. Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28-34.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.
8. Малышева М.П. Голод на юге Сибири в 1930г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84-88.
9. Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в гос. структуры и советским вождям // сост. А.А. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
10. Протоколы заседаний бюро Иркутского окружкома ВКП(б) 1926-1930 гг. // Гос. архив новейшей истории Иркутской обл. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1323. Л. 59-60.
11. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: «Аграф», 2001. 432 с.
12. Документы исполнительного комитета Братского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1934-1935 гг. // Братский филиал гос. архива Иркутской обл. Ф.Р-1. Оп. 4. Св. 7. Ед. хр. 268. Л. 2-6.
13. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 214 с.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4. 1056 с.
15. Расслоение иркутской деревни. Иркутск: Издание Окружкома ВКП(б), 1927. С. 4.